

ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

1920–2020

К
КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2020

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
П53

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Дмитрий Буневич

П53 **Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020.** Сб. ст. / Под
общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. —
М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 176 с.: ил. — (Реальная
политика)

ISBN 978-5-907171-17-6

Междуморье — это геостратегический проект по объединению под польским лидерством государств Восточной Европы, который сто лет назад предложил маршал Юзеф Пилсудский. Тогда его планы окончились крахом, но химеры Междуморья до сих пор продолжают тревожить умы польских политиков и сеять хаос на Востоке Европы. Как и сто лет назад, Варшава сегодня вновь пытается объединить регион и противопоставить его России и Западной Европе. На фоне роста стратегического отчуждения между США и ЕС Междуморье постепенно становится основным орудием Вашингтона, направленным против Евросоюза и России. Авторы сборника — известные историки, политологи и специалисты-международники — подробно и содержательно анализируют историю и современный этап борьбы Польши за региональное доминирование. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Европы и актуальной международной политикой.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

На обложке изображена польская памятная медаль 1930 г., посвященная 10-летию окончания советско-польской войны.

ISBN 978-5-907171-17-6

© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», 2020
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

**ИЗ ИСТОРИИ
БОРЬБЫ ПОЛЬШИ
ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ
ДОМИНИРОВАНИЕ
В НАЧАЛЕ XX В.**

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И ДВА СЦЕНАРИЯ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Геннадий Матвеев

11 ноября 2018 г. мир торжественно отметил 100-летие окончания Первой мировой войны. Формально именно в этот день наконец-то замолчали пушки, и в Европу пришел мир. Но так было лишь на западном театре военных действий. В Центральную и Восточную Европу мир возвращаться не спешил, здесь пушки то там, то здесь «говорили» еще два с лишним года. Начало череде вооружённых конфликтов положила 1 ноября 1918 г. польско-западноукраинская война из-за Восточной Галиции, а завершились они лишь в 1921 г. Тогда Польша, поддерживаемая Францией, склонила великие державы Запада к пересмотру в ее пользу результатов мартовского 1921 г. плебисцита в Верхней Силезии, права на которую польский король Казимир Великий еще в XIV в. признал за Чехией. Кроме недолгое время существовавших Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и Украинской Народной Республики (УНР), в первые годы после восстановления независимости Польша воевала с Германией, Чехословакией, Литвой, и дольше всего — с советскими республиками.

Чем же была вызвана эта повышенная агрессивность Польши на заре ее независимости? Ведь полякам для обретения свободы не пришлось братья за оружие и сражаться с разделившими в свое время их родину соседями. Они получили независимость из рук Антанты при согласии России, данном еще в марте 1917 г. Победоносная коалиция и после войны всячески помогала Польше обустраиваться в новых границах, с одним только условием, чтобы ее рубежи более или менее соответствовали этнографическому принципу¹. Судьбу спорных участков северной, западной и южной границы Польши парижские миротворцы решили определить по результатам плебисцитов (референдумов), а этнически

обоснованные восточные рубежи они указали 8 декабря 1919 г. (после их корректировки в июле 1920 г. эта граница стала именоваться «Линией Керзона» по имени главы британского Внешнеполитического ведомства графа Джорджа Керзона).

Однако Варшаву не устраивала роль послушного подопечного Антанты. Соглашаясь на словах с правом держав-победительниц на установление польских границ, на деле она с первых месяцев независимости взяла на вооружение политику *fait accompli* (свершившийся факт). Польские руководители были уверены, что победителей не судят и все самочинные завоевания Польши западные покровители рано или поздно узаконят². Этой уверенностью и объясняется пространность перечня государств, как самопровозглашенных, так и признанных великими державами, с которыми Польша оружием решала спорные вопросы.

Учитывая, что в числе противников Польши оказались демократические Веймарская Германия и Чехо-Словацкая республика (ЧСР), пролетарские государства РСФСР, УССР и периодически существовавшая советская Белоруссия, а также не желавшие быть советскими государствами Литовская и Украинская Народная Республики, к военному конфликту толкали не политические предпочтения польских руководителей, не их приверженность тому или иному политическому устройству. Объяснение польской агрессивности социальными причинами, главным образом стремлением защитить крупных польских землевладельцев от революции, также далеко от универсальности. В Верхней и Тешинской Силезиях польских помещиков практически не было, впрочем, как и польской буржуазии. В числе причин польской агрессивности достаточно часто называют национальный фактор. Действительно, во всех названных выше государствах проживали поляки. На востоке они были размещены неравномерно, в отдельных крупных городах, таких как Львов или Вильнюс численно преобладали, но этого нельзя сказать о местечках и, за редким исключением, о сельской местности. В Восточной Галиции, в западной части Волыни и в Западной Белоруссии восточнославянское население в совокупности с евреями преобладало абсолютно. В спорной части Тешинской Силезии поляков было больше чем чехов, но там проживали еще немцы и т. н. прочие. Плебисцит в Верхней Силезии показал, что желающих остаться в Германии на 220 тыс. больше, чем оппонентов (707 605 к 479 359). В польской литературе причиной этого поражения часто называют участие в нем около 200 тыс. уроженцев плебисцитной области, переехавших когда-то на постоянное местожительство в другие земли Германии. Но таковы были условия принятой в Версале процедуры волеизъявления силезцев

независимо оттого, были уехавшие немцами или поляками. Не захотели присоединиться к Польше участники плебисцита на Мазурах в Восточной Пруссии. В ряде случаев, когда национальная аргументация была сомнительной, польские политики аргумент численного преобладания поляков подменяли на их исключительную культурно-цивилизационную роль, особенно в бывших восточных воеводствах шляхетской Речи Посполитой³. Не тянут на универсальность и экономические соображения. Развитые промышленность и сельское хозяйство были только в Верхней и Тешинской Силезии, а в украинско-белорусских землях абсолютно преобладало примитивное сельское хозяйство, к тому же сильно пострадавшее во время Великой войны. Его восстановление и последующая модернизация требовали колоссальных финансовых средств, которых у Польши не было и не могло быть даже в весьма отдаленной перспективе.

На статус главной причины повышенной польской агрессивности тянет только одна. Ее называют польские политические и военные руководители, участвовавшие в планировании и проведении политики *fait accompli*. Первым номером среди них конечно же был Ю. Пилсудский, в 1918–1922 гг. начальник (глава) государства и главнокомандующий польскими вооруженными силами. В 1924 г. в своем ответе на брошюру М. Н. Тухачевского «Поход за Вислу», озаглавленном «1920 год», первый маршал Польши (именно такое звание ему было присвоено в день его именин 19 марта 1920 г.) писал, что, приняв решение о войне на востоке, еще в конце 1918 и уже в 1919 г. решил задачу «...как можно дальше от мест, где выклеивалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими... Я так далеко отбросил советскую угрозу, что в работу по восстановлению нашей жизни... Советы не могли вносить сумятицу и мешать ему»⁴. Совершенно очевидно, что Пилсудский имел в виду именно литовские, белорусские и украинские области, захваченные польской армией на тот момент⁵. Плебисциты по вопросу о границах Польши с Чехословакией и Германией должны были произойти в 1920 г.

Из признания Пилсудского следует, что войны трактовались им как средство решения стратегической задачи обеспечения безопасности Польши. Также думали и другие высокопоставленные армейские чины, обосновывая жизненную необходимость для Польши территориальных приращений за счет восточных соседей. В мартовском номере военного журнала «Беллона» за 1919 г. своими соображениями на этот счет в статье «Стратегические границы Польши на востоке» поделился полковник М. Жегота-Янушайтис, не входивший в число адептов

Пилсудского. По его мнению, «...отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом». Для этого, по его убеждению, следовало создать «стратегическую оборонную область», в силу природных условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс» противника. Граница Польши должна была бы проходить от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смотрич до Каменец-Подольска на Днестре, а затем по довоенной русско-австрийской границе, то есть в целом соответствовать той границе, которая будет установлена Рижским миром 1921 г.⁶

В мае того же года свои взгляды на вопрос о границе представил в форме меморандума генерал Т. Розвадовский, профессиональный военный, бывший генерал австро-венгерской армии, виднейший военачальник независимой Польши, одно время возглавлявший Генеральный штаб. Как и Янушайтис, он выступал за проведение восточной границы Польши с учетом главным образом географических и военных потребностей. Из намеченных им трех возможных ее вариантов, максимальный почти совпадал с рубежами шляхетской Речи Посполитой до 1772 г., а минимальный был близок границе 1921 г.⁷, то есть и для него стратегические интересы были важнее национального характера присоединяемых территорий на востоке.

Таким образом, Пилсудский и военные, не верившие в надежность создаваемого державами Антанты и США нового устройства Восточной Европы, считали агрессию как таковую средством повышения безопасности Польши, а применительно к Белоруссии и Украине — инструментом создания «стратегической оборонной области». Для овладения ею Варшава провела серию войн с восточными соседями, длившихся в общей сложности два полных года и позволивших ей овладеть более чем 200 тыс. кв. км украинско-белорусских земель, при общей площади межвоенной Польши в 380 тыс. кв. км. За счет Германии равноценную стратегическую область поляки приобрести не могли. Правда, если предоставлялась возможность что-то урвать на западном направлении, Варшава перед этим не останавливалась. Но не путем открытой интервенции польской армии, а камуфлируя его под национальные восстания. Так было, например, в случае с третьим Силезским восстанием в мае 1921 г.⁸

Итак, главным мотивом политики свершившихся фактов было желание обеспечить безопасность Польши путем максимального расширения ее пределов, а главным стратегическим вектором приложения военных усилий Польши определен восток. Руководство всеми польскими военными и дипломатическими действиями на этом направлении осуществлял лично Пилсудский, не позволяя контролировать свои действия ни правительству, ни сейму. Объектами польской агрессии были Западно-Украинская, Украинская народная и Украинская советская республики, советские Литва и Белоруссия, Литовская республика. В своих действиях на востоке Пилсудский руководствовался определенным планом, известным как федеративный. Он предусматривал, с одной стороны, включение в состав Польши территории примерно до линии границы 1921 г., то есть ту самую вожделенную «стратегическую оборонную область». С другой стороны, недопущение непосредственного соседства Польши с Великороссией, для чего следовало помочь созданию вдоль ее западной границы независимых литовско-белорусского и украинского государств, связанных с Польшей союзными узами. Их платой за покровительство Варшавы стал бы отказ в пользу Польши от Виленской области, Восточной Галиции, западных районов Белоруссии и Волыни.

Главным препятствием в реализации плана Пилсудского была Россия как таковая, особенно поддерживаемые Антантой белые. В случае победы белых в Гражданской войне польской армии пришлось бы уйти со всех территорий к востоку от границы бывшего Царства Польского с Российской империей. Воевать с белыми поляки не могли, ибо сразу потеряли бы западных спонсоров, снабжавших их военными материалами, деньгами и оказывавшими политическую поддержку на международной арене.

Сделав объектами польской агрессивной политики советские Белоруссию и Украину, Пилсудский автоматически обретал врага в лице РСФСР, их фактического и формального военно-политического союзника. Да и с точки зрения западных держав Россия сохраняла все права на окраинные территории империи за исключением бывшего Царства Польского, «отпущенного» на свободу Временным правительством. После того как 13 ноября 1918 г. Москва аннулировала мирный договор с Центральными державами, по которому отказалась от прав на Литву, Западную Белоруссию и Западную Волынь, она вернула себе право на владение Северо-Западным и Западным краями, входившими в Российскую империю. Поэтому продвижение Красной армии на запад вслед за эвакуирующимися немецкими войсками Ober-Ost Komando (Верховного командования на Востоке) согласно международному праву не было агрессией (наступление А. И. Деникина на Украине в 1919 г.

также не квалифицировалось как агрессия ни западными державами, ни Польшей), на законных основаниях там проходила и мобилизация в Красную армию.

Большевики сразу же после Октябрьского переворота в России поставили перед собой задачу продержаться у власти до начала пролетарской революции в европейских странах. В том числе ради этого они заключили Брестский мир в марте 1918 г., в частности, позволивший им через свои дипломатические представительства установить контакты с революционными силами в странах Четверного союза, прежде всего в Германии. В Германии особенно активно вели себя полпред А. А. Иоффе и К. Б. Радек, за что незадолго до Ноябрьской революции были объявлены персонами нон грата. С 1918 г. велась спешная подготовка к созданию Коммунистического Интернационала. Но одно дело планы, расчеты и надежды, особенно таких новичков в государственном управлении, как большевики, и другое дело их реализация. Выход европейских государств из войны пошел не по российскому сценарию. Исключением были только Венгрия и Бавария, но они не сумели изменить общей картины событий. Возникновение новых государств и демократизация политических систем в Центральной и Восточной Европе снижали шансы на успех сторонников социалистического переворота. И большевики, демонстрировавшие необыкновенную способность учиться на собственных ошибках, достаточно быстро с идеи мировой революции переориентировались на необходимость неопределенно долгого существования в капиталистическом окружении.

Эта эволюция хорошо просматривается на примере В. И. Ленина, наиболее авторитетного вождя большевиков. Так, еще 26 января 1919 г. он уверял, что «мы близки к полной и решительной победе не только в русском, но и в международном масштабе»⁹. В конце февраля Ленин в проекте программы РКП(б) ставил перед партией цель: «...Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы... перенести революцию в более передовые и вообще во все страны»¹⁰.

Но уже 6 марта, в заключительной речи при закрытии I Конгресса Коминтерна, Ленин характеризовал революционную ситуацию много сдержаннее. Он восхищался растущим в Европе движением «в пользу Советов» как самым значительным шагом «вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма», уверял, что репрессии со стороны буржуазии служат лишь просвещению масс, помогают им освободиться от буржуазно-демократических предрассудков и закаляют их в борьбе, но ни слова не сказал о прямом штурме капитализма, то есть по существу констатировал явный спад революционных настроений

в Европе. И поэтому нелогичным представляется его вывод, явно предназначенный для поддержания оптимизма у собравшихся в зале заседаний Конгресса единомышленников: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»¹¹.

Еще более значимым свидетельством перемен в оценке Лениным перспектив революции в Европе служит его доклад на VIII съезде РКП(б) 18 марта 1919 г., в котором акцент, как и на Конгрессе Коминтерна, был сделан на росте популярности Советов в зарубежных странах, а не на прямом штурме капитализма. Но особенно ярко об изменении его взгляда на сроки мировой революции свидетельствует не включение в окончательный текст программы партии положения о «всестороннем и всемерном использовании зажженного в России факела всемирной социалистической революции». Перемена видна и в сдержанной оценке состояния революционного процесса в Польше («...по нашему революционному календарю... не то август, не то сентябрь 1917 года»), и предостережение от попыток внедрить в Польше коммунизм «путем насилия» и прямого «декретирования» революции из Москвы¹². Итак, Ленин, до конца февраля 1919 г. пророчествовавший скорое пришествие мировой революции и считавший обязанностью Советской России всячески ей содействовать, в марте изменил свою позицию. Вопрос о причине этой перемены во взглядах советского лидера требует специального изучения.

Для нас важнее другой вопрос, а имели ли ленинские слова первых двух месяцев 1919 г. прямое переложение на практику государственной политики РСФСР? Каких-либо убедительных доказательств наличия у Кремля в конце 1918 – начале 1919 г. конкретных планов вторжения на территорию этнографической Польши нет. Большевикам в тот момент важнее было утвердить советские режимы в Прибалтике, особенно в Литве, граничившей с Германией, на пролетариат которой они возлагали особые надежды. До второй половины февраля 1919 г. на западном театре военных действий от Белого моря до Украины действовало несколько слабых советских армий. Приказ о занятии территорий до линии Поневеж, Вильна, Лида, Барановичи, Пинск советская Западная армия получила 12 декабря 1918 г. Его исполнение не составило большого труда, армия просто следовала за эвакуирующимися немецкими войсками. К 15 февраля она достигла заданного рубежа, и начальник Полевого штаба Реввоенсовета республики Ф. В. Костяев обратился к наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину со следующей просьбой: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным

образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соотношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»¹³. Вывод из обращения Костяева может быть только один: никакого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу советское военно-политическое руководство в середине февраля не планировало. Показательно и расформирование в июне 1919 г. польской Западной стрелковой дивизии Красной армии.

Пилсудский же, реализуя свой план с помощью Франции, получил 8 февраля согласие немцев на проход польских войск через их боевые порядки в Белоруссию. 13 февраля 1919 г. в окрестностях Барановичей произошел первый бой советско-польской войны. Но и после этого советская сторона не теряла надежды на перевод конфликта из военной в политическую область. В Москве с большой надеждой восприняли визит А. Венцковского, формально представлявшего Польскую социалистическую партию, но фактически исполнявшего дипломатическую миссию. Но вместо мирных переговоров, как того добивалась Москва, польские войска 19 апреля 1919 г. захватили столицу Литовско-Белорусской Советской Республики Вильну, а в августе заняли Минск и достигли Березины.

1919 г. был особенно трудным для РСФСР из-за успехов белых, но их победа грозила также срывом восточного плана Пилсудского. Отложив в сторону антисоветскую риторику, Пилсудский осенью 1919 г. вступил в секретные переговоры с РСФСР, завершившиеся негласным перемирием на польском фронте. Это позволило советскому командованию перебросить десятки тысяч бойцов на деникинский фронт и способствовало успеху РККА. Однако уже зимой 1920 г. он приступил к подготовке весенней кампании на востоке, в рамках которой в апреле были подписаны союзные соглашения с УНР.

Разгром Деникина и затишье на польском фронте породили у Кремля надежду на скорое завершение Гражданской войны и переход к восстановлению страны. Хорошим сигналом стали также решения Великобритании и Италии об отказе от военной поддержки всех противоборствующих сторон в России, а затем и о снятии морской блокады. В Копенгагене начались англо-советские переговоры об обмене пленными и восстановлении торговых отношений. Для закрепления позитивных сдвигов на внешнеполитической арене ВЦИК и СНК РСФСР в конце января 1920 г. обратились к польскому правительству с конкретными мирными предложениями, в том числе соглашаясь на границу

по линии разграничения войск по рекам Березина, Припять и Горынь. Эта т. н. «линия Ленина» проходила восточнее рижской границы 1921 г. и с лихвой удовлетворяла территориальные аппетиты Польши. Но она оказалась неприемлемой для Пилсудского, не оставляя места для столь желанных ему буферных государств. Важно также признание в феврале, июле и августе 1920 г. Москвой буржуазных Эстонии, Литвы и Латвии, а в июле того же года воссоздание Советской Белоруссии. Все они должны были играть в числе других роль буфера между РСФСР и Западом.

25 апреля 1920 г. Пилсудский возобновил полномасштабные военные действия на Украине и в Белоруссии. Началась кампания 1920 г., которую часто неоправданно считают собственно польско-советской войной. Мирное урегулирование двусторонних отношений по вине польской стороны было отодвинуто на полгода, наполненных боями, людскими потерями, разрушениями инфраструктуры и просто угрозой самому существованию Второй Речи Посполитой. Несмотря на то, что формально в этой необъявленной войне победила Польша, Пилсудскому, в отличие от Ленина, создать пояс союзных буферных государств вдоль восточной границы Второй Речи Посполитой не удалось. А тем самым не удалось и коренным образом повысить стратегическую безопасность новой Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно в этом отношении заявление британского премьера Д. Ллойд Джорджа на заседании имперского кабинета в марте 1917 г.: «Желательно... изменение географической карты Европы на основе широкого признания национальных прав; это предупредит волнения в будущем, обеспечит более прочный мир, сделает крепче и солиднее фундамент демократической свободы в Европе». См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. IV. М., 1937. С. 48.

² И действительно, помимо уже упомянутой Верхней Силезии, в 1923 г. Антанта признала польские завоевания в Восточной Галиции, на Волини, в Белоруссии и Литве.

³ Вот как объяснял эту позицию польский историк Т. Ендрушак в 1970-е гг.: «Сегодня существует всеобщее убеждение, что территории, на которых украинцы, белорусы и литовцы составляли подавляющее большинство, принадлежат этим народам, независимо от прошлого там польского присутствия и сыгранной ими роли в культуре... тогда нельзя было не считаться с фактом, что на огромных пространствах Украины, Белоруссии и Литвы живут поляки, судьба которых не может быть безразлична Польше, потому что они интегральная часть нации». См.: *Jędruszcak T.* Powstanie II Rzeczypospolitej // *Dzieje najnowsze*. 1978. № 4. S. 51–52.

⁴ *Piłsudski J.* Rok 1920. Warszawa, 1924. S. 203–204. В начале декабря 1918 г. в ответ на критику соратников за компромисс с правыми Пилсудский с раздражением бросил: «Меня ждет борьба с Россией, а не с Дмовским».

⁵ В июле 1919 г. он поделился своими мыслями на этот счет с графом М. С. Косаковским: «Сейчас такой неоценимый момент, такая прекрасная возможность для нас совершить на востоке великие дела, занять место России». Цит. по: *Lewandowski J. Imperializm słabości*. Warszawa, 1967. S. 50.

⁶ *Żegota-Januszajtis M. Strategiczne granice Polski na wschodzie* // Bellona. R. II. 1919. Z. III (marzec). S. 174–175.

⁷ *Rozwadowski A. Generał Rozwadowski*. Kraków, 1929. S. 68–72.

⁸ Скрытая сторона восстания хорошо представлена в воспоминаниях В. Домбровского, секретаря руководителя восстания А. Корфанты: *Dąbrowski W. Trzecie powstanie śląskie. Rok 1921*. Londyn, 1973. См. также: *Zarzycka Z. Polskie działania niaspecjalne na Górnym Śląsku 1919–1921*. Warszawa, 1989. Последний раз Варшава применила эту тактику в сентябре 1938 г., имитируя стихийное восстание польского населения чешской части Тешинской Силезии. См.: *Матвеев Г. Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 г.* // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 134–156.

⁹ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 468.

¹⁰ Там же. Т. 38. С. 98.

¹¹ Там же. Т. 37. С. 510.

¹² Там же. Т. 38. С. 161.

¹³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сб. док.: в 4-х т. Т. 1. М., 2017. С. 28; АВПРФ. Ф. 122. Оп. 1а. П. 1а. Д. 7. Л. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буневич Дмитрий Сергеевич, к. и. н., директор Института русско-польского сотрудничества

Крашенинникова Вероника Юрьевна, к. и. н., директор Института внешне-политических исследований и инициатив

Лаврёнов Сергей Яковлевич, д. полит. н., профессор, заведующий отделом Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ

Макушин Александр Владимирович, сопредседатель фонда «Историческая патриотика»

Матвеев Геннадий Филиппович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Носович Александр Александрович, политолог, директор Балтийского исследовательского медиа-центра (Калининград), обозреватель аналитического портала RuBaltic.ru

Рафал Ридель (Rafał Riedel), доктор политологии (PhD in Political Science), профессор Опольского университета (Польша)

Симонова Татьяна Михайловна, к. и. н., независимый исследователь

Синицын Фёдор Леонидович, д. и. н., доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству

Суржик Дмитрий Викторович, к. и. н., ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук

Трухачёв Вадим Вадимович, к. и. н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айненкель А. — 65
Андропов Ю. В. — 90, 104
Андрюшкевич А. — 139
Араки С. — 50
Асатиани А. — 83
Асатиани С. — 83
Байтуган Б. — 84
Балинов Ш. — 85
Балуевский Ю. Н. — 129
Балыков С. — 85
Баммат Х. — 84
Бандера С. А. — 67, 168
Бартошевский В. — 109
Бедронь Р. — 139
Бек Ю. — 47, 49, 51, 62, 65, 88, 101
Бenedикт XVI (Ратцингер), папа Римский — 104
Бенеш Э. — 51
Бехаддин Х. — 84
Бжезешский А. — 93
Бжезинский З. — 6, 90–95, 97, 104, 111, 117
Бабиш А. — 158
Билецкий А. Е. — 167
Билый И. А. — 85
Блашак М. — 135
Бончковский В. — 87–88, 102
Брежнев Л. И. — 90, 104
Брынкус Ю. — 139
Буш-младший Дж. — 130–131, 163
Василевский Л. — 79
Вачелл Дж. Л. — 47
Венцковский А. — 26
Вильсон В. — 77
Волос М. — 66
Вольдемарас А. — 80
Гамелен М. — 46
Гвазава Г. — 86
Гегечкори Е. — 83
Гедройц Е. — 12, 81, 87, 89, 103, 104, 107–109, 111–115
Герек Э. — 5
Геремек Б. — 94
Голушко Т. — 82, 87, 101
Гомулка В. — 5
Горбачев М. С. — 6, 91–91
Грегорович С. — 60
Далалде Э. — 46
Деникин А. И. — 26, 80
Джабагиев В.-Г. И. — 98
Джонс Дж. — 166
Дзержинский Ф. — Э. 80
Дмовский Р. — 27
Дольфус Э. — 146
Дуда А. — 9, 134–135, 141, 166
Жегота-Янушайтис М. — 21
Жолтек С. — 140
Жордания Н. — 86
Захариадзе А. — 83
Зачвилковский С. — 87
Звягина Д. А. — 61
Земан М. — 158
Земке Я. — 138
Зурабишвили И. — 83
Ибрагимов В. — 85
Иванов И. С. — 109
Имнадзе К. — 83, 101
Иоанн Павел II (Войтыла), папа Римский — 90, 94, 104
Иоффе А. А. — 24
Исхаки А. — 84–85, 88
Исхаков С. — 96
Казароли А. — 91, 104
Казимир Великий — 19
Кайо, принц — 50
Канарис В. — 67
Карлов Ю. Е. — 91
Качинский Л. — 8, 110–113
Качинский Я. — 8, 110–113, 135, 145, 150–151
Квасьянский А. — 110, 137
Кеннард Х. — 47
Керзон Дж., маркиз — 20, 80
Клемансо Ж. — 78
Клих Б. — 111
Коваль П. — 91, 103
Козырев А. В. — 7
Колчак А. В. — 78
Коморовский Б. — 113, 136
Коновалец Е. — 82
Копач Э. — 152
Корвин-Микке Я. — 140
Корнат М. — 62, 92, 96, 104
Косиняк-Камыш В. — 137
Костюшко Т. — 5, 87
Костяев Ф. В. — 25–26
Кох Э. — 68
Красинский З. — 75
Кутшеба Т. — 52
Кшивицкий Л. — 81
Лавров С. В. — 129
Лапинский Т. — 87
Левандовский Ю. — 90
Ленин В. И. — 3, 24–25, 27, 80
Липский Ю. — 51
Литвинов М. М. — 78
Любачевский Т. — 85
Любнауэр К. — 136
Маевский Ю. — 89
Мазовецкий Т. — 94, 105
Маккиндер Х. — 76, 80, 92
Макрон Э. — 171
Мамед Эмин Расулзаде — 86
Матерский В. — 92
Михаловский Р. — 85
Медведев Д. А. — 7, 112, 130
Меркель А. — 137
Мерошевский Ю. — 12, 81, 89, 197–108, 110–115
Микиulich С. — 90
Миллер Л. — 138
Моравецкий К. — 8, 139, 139
Моравецкий М. — 9, 135, 146
Мосщицкий И. — 31
Мохнацкий М. — 75
Мухамед Ибрафил-бей — 84
Нагорский А. — 95
Новак А. — 78
Новак-Езоранский Я. — 94–95, 106
Норвид-Нойгебауэр М. — 43
Ноэль Л. — 46
Олеховский А. — 109
Орбан В. — 145, 158
Орджоникидзе Г. К. — 80
Папроцкий С. — 89
Пелчинска-Наленч К. — 93, 105
Пелчинский Т. — 49
Петлюра С. — 81
Петру Р. — 136
Пилсудский Ю. — 3–4, 6, 21–23, 26–27, 29–30, 34, 36–37, 45, 50–54, 60–64, 66, 75–76, 78–79, 81–82, 87–89, 107, 115, 146, 164–166, 169
Помяновский Е. — 108
Путин В. В. — 7, 9, 129–130, 137–138, 158
Радек К. Б. — 24
Рашишвили Н. — 81, 83, 87
Рамсфельд Д. — 163
Расул-заде Мехмет Эмин-бей — 84
Ратцингер И., см. Бенедикт XVI
Рейган Р. — 90, 105
Рейхенау В. фон — 34
Розвадовский Т. — 22
Рузвельт Т. — 76
Рузвельт Ф. — 5
Рыдз-Смиглы Э. — 37, 52
Саакашвили М. — 112
Савинков Б. В. — 81
Святловский Б. — 92
Сейдамет Д. — 81, 85–86, 88, 102
Сикорский Р. — 114, 136
Скоропадский П. П. — 66, 82
Скубишевский К. — 92, 94, 105
Смаль-Стоцкий Р. — 88
Сметона А. — 80
Солженицын А. И. — 9
Спасович В. Д. — 75
Сталин И. В. — 5, 80
Стахович Ю. — 81–82
Султан-Галиев М. — 85, 102
Сунш-Гирей М. — 84, 86
Суурда Э. Р. — 47
Сухенек-Сухецкий Г. Я. — 82
Суходольский Б. — 87
Сушко Н. — 67
Схетына Г. 136
Трамп Д. — 10, 163, 168, 171
Туск Д. — 7, 112, 136, 151–152
Тушаевский М. Н. — 3, 21
Фабрици К. — 34
Филиппович Т. — 75, 80
Фори Л. — 35–36
Фош Ф. — 51
Френсис Д. — 77
Фридман Дж. — 165–166
Хантингтон С. — 91, 104, 156
Харашкевич Э. — 84–85, 87–88, 101
Чажастый В. — 138
Чайковский (Садькапаша) М. — 87
Чарторыйский А. Е., князь — 98
Чемберлен Н. — 47, 51
Черчилль У. — 5
Чичерин Г. В. — 25
Чокаев М. — 86
Чхеидзе Н. — 81
Чхенкела А. — 83
Шакирова Ш. — 84
Шамиль Саид-бей — 88
Шептицкий С. — 29–30
Шеттель Т. — 82, 88, 101
Шиммельфеннинг Ф. — 160
Шушнитт К. — 146
Щерский К. — 168
Эсхил — 74
Ющенко (Чумаченко) К. М. — 165
Ющенко В. А. — 165
Ян Собеский 87
Янукович В. Ф. — 114
Ярузельский В. — 6
Ярый Р. — 67

ОГЛАВЛЕНИЕ

Междуморье. К столетию химеры От редакторов	3
ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПОЛЬШИ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В НАЧАЛЕ XX в.	17
Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы Геннадий Матвеев	19
Крах — цена ошибочных военно-политических расчётов: военная машина Второй Речи Посполитой Александр Макушин, Дмитрий Суржик	29
«ПРОМЕТЕИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ПОЛЬШИ	57
Доктрина «прометеизма» в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха Федор Синицын	59
«Прометеизм» в польском сознании: теория и практика Татьяна Симонова	74
«Восточная политика» Гедройца—Мерошевского или «прометеизм 2.0»? Дмитрий Буневич	107
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	119
Развёртывание инфраструктуры НАТО в современной Польше: краткие итоги и основные выводы Сергей Лаврёнов	121
Образ России у политических партий Польши Вадим Трухачёв	134
Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и её союзникам внутренняя политика «Права и справедливости» Александр Носович	144
Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе — Польша Рафал Ридель	154
Возрождение Междуморья — американская игра против Евросоюза и России Вероника Крашенинникова	163
Заключение	171
Сведения об авторах	173
Именной указатель	174

**Польша в борьбе за Восточную Европу
1920–2020**

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 28.2.2020
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907171-17-6